

КАТОРГА
И
ССЫЛКА

ИСТОРИКО-
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ВЕСТНИК

№ 7

МОСКВА

1923

9(47):05
(05) 95. 1923. 57.

ОБЩЕСТВО БЫВШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

КАТОРГА И ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕСТНИК

КНИГА СЕДЬМАЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Вл. Виленского (Сибирякова)

БИБЛИОТЕКА
Д. П. А.
Лен. Комит. ВКП(б)
№ _____

ПЕТРОГРАД
1923

~~БИБЛИОТЕКА
ДИСКУССИОННО-КЛУБА
№ 95.~~

*Дом Плеханова
№ 307*

СОДЕРЖАНИЕ.

Отдел I. Из истории революционного движения.

- Л. Дейч. Из отношений Г. В. Плеханова к народолюбцам.
Л. Федорченко (Н. Чаров). Г. В. Плеханов. (Из воспоминаний.)
Н. А. Семашко. О детских годах Г. В. Плеханова.
Г. В. Плеханов. Конспект.
Б. Козьмин. Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова.
М. Ю. Ашенбреннер. Военно-революционная организация партии Народной Воли.
И. Минаев. Автобиография рабочего-революционера.
М. Русов. «Святая святых» царской охраны.
А. Д. Михайлов. К портрету С. Н. Богомолец.

Отдел II. Каторга, ссылка и тюрьма.

- В. Л. Виленский (Сибиряков). Последнее поколение Якутской ссылки.
А. Измайлович. Из прошлого.
А. Биденко. В Мальцевской женской каторжной тюрьме.
Ядов. Бутырки.
Львов-Марсианнн. Паразит.
«Трудовая группа». Из архива В. Н. Фигнер.
Д. Старков. В Преображенку.

Отдел III. Лица отошедших.

- Я. Тов. Золотарев. Памяти тов. Фельдмана.
И. Жуковский-Жук. Памяти Н. Ф. Степанова.
Гидл. В. Д. Медем.
М. Галкин. Памяти тов. Васильева.

Отдел IV. Библиография.

- С. Пионтковский. По журналам. (Обзор исторических журналов за первую четверть 1923 года.)
По книгам: Проф. В. Н. Сторожев. Н. Бабахан. Советы 1905 года.
И. Бороздин. В. Е. Чешихин-Ветринский. Н. Г. Чернышевский 1828—1889 г. С. Пионтковский. Революция в Крыму. Я. Д. Б-м, Н. А. Бухбиддер. Материалы по истории еврейского рабочего движения в России. В. Н. Сторожев. Декабрист. М. С. Лунии.— Проф. В. Бочкарев. Из истории рабочего и коммунистического движения в Ярославле. В. Н. Сторожев. А. А. Лопухин. Отрывки из воспоминаний. Б. Горев. Материалы для биографического словаря соц.-дем. В. Алексеев. В. А. Поссе. Воспоминания. Н. Головина. Станислав Бржозовский. Зарево. Б. Козьмин. Библиография периодики.
Хроника общества б. политкаторжан.

Из отношений Г. В. Плеханова к народолюбцам.

Еще до возникновения партии «Народная Воля» у Плеханова установились довольно натянутые отношения с некоторыми членами общества «Земля и Воля», вошедшими, после распада последнего, во вновь возникшую организацию. Расхождение произошло исключительно на принципиальной почве, — оно касалось вопроса о применении террора, взгляда на то, чего можно ожидать от царубийства.

Известно, что бунтари и народники, наряду с подготовкой крестьянских восстаний, считали необходимым заниматься также «дезорганизацией правительства» или «актами самозащиты», т. е. убийствами ренегатов, шпионов, вредных правительственных лиц, а также вооруженными сопротивлениями при арестах и т. п. Но вплоть до покушения, произведенного Верой Ивановной Засулич (24-го января 1878 г.) на петербургского градоначальника Трепова, на практике бакунисты чрезвычайно редко применяли эту часть своей программы: лишь после самостоятельного поступка этой молодой девушки в разных концах России начали применяться на деле «акты самозащиты».

Как один из участников народнической организации и составитель ее программы, Плеханов был вначале горячим сторонником практического осуществления задачи «дезорганизации»: кроме теоретического согласия, к этому склонял его также и присущий ему боевой темперамент, жажда непосредственной борьбы с ненавистным врагом, какими в глазах всех бакунистов являлись разные должностные лица, угнетатели и эксплуататоры трудящихся, народных масс. Он не только горячо на словах защищал в спорах с лавристами, тогдашними ярыми противниками всяких насильственных актов, необходимость и, так сказать, законность «дезорганизации правительства», но и сам в любой момент готов был принять в них непосредственное участие. Но уже через год с чем-то после выступления Веры Засулич возникли у него разногласия с некоторыми товарищами по поводу отношения к указанным

насильственным актам. Наиболее серьезным поводом к этому послужило задуманное А. К. Соловьевым покушение на жизнь Александра II, но еще до этого Плеханов находил, что некоторые члены «Земли и Воли» начинают чересчур увлекаться террором,—придают ему бóльшее значение, чем следует, и, таким образом, отступают от основных положений народнической программы. Так, в своих «Воспоминаниях об А. Д. Михайлове» он сообщает, что последний уже осенью 1878 г., хотя в принципе попрежнему признавал деятельность в народе главной задачей общества «Земля и Воля», но «в настоящую минуту, — говорил он, — нам нечего и думать об отъезде в деревню, мы слишком слабы для работы в народе» и т. д. ¹⁾

Чем дальше, тем все более среди некоторой части оставшихся в Петербурге руководителей названного общества усиливалось скептическое отношение к деятельности среди крестьян и одновременно, наоборот, возросло увлечение террористическими актами.

К Ал. Михайлову, прежде одному из самых ярых сторонников деятельности среди народа, один за другим, стали присоединяться поборники террора. Наиболее видными из них явились, как известно, Ал. Квятковский, Аарон Зунделевич, Лев Тихомиров и, в особенности, Ник. Морозов. Последний прямо начал развивать своеобразную теорию осуществления революции не массами, а отдельными лицами—«по способу Вильгельма Телля и Шарлотты Корде», утверждая, что небольшая группа самоотверженных людей, путем насильственных актов, может изменить существующий социально-политический строй России. Когда, в качестве соредактора журнала «Земля и Воля», Морозов захотел поместить в нем статью, в которой он развивал свою оригинальную теорию, Плеханов резко воспротивился этому. Тогда вышеперечисленные лица, сообщая с Морозовым, решили, чтобы, рядом с журналом, выходил «Листок Земли и Воли», самостоятельно редактируемый Морозовым, что вскоре и было ими осуществлено.

Это было ранней весной 1879 г. С каждым номером этого «Листка» все определеннее проводилась своеобразная «теория» Морозова, что, понятно, не могло не возмущать последовательного Плеханова. Действительно, трудно было представить себе что-либо более странное, чем одновременный выпуск одним и тем же народническим обществом журнала «Земля и Воля», в котором доказывалась необходимость активного участия трудящихся масс в процессах изменения современного строя,—и, параллельно с этим, проповедь в «Листке Земли и Воли» совершенной ненужности ника-

¹⁾ См. сочин. Г. В. Плеханова, том I, стр. 83. Госизд. Петр. 1920 г.

ких «масс» для этой цели, а достаточности нескольких «Вильгельмов Теллей и Шарлотт Корде»!

Разногласия эти, хотя и крайне неприятные, вносящие сумбур в головы читателей, касались сперва лишь теоретических взглядов, почему они и не выходили из тесного круга редакции и наличных в Петербурге членов общества «Земля и Воля». Но, когда в марте 1879 г. А. Соловьев, оставив «поселение», явился в Петербург с решением убить Александра II, то план его целиком поддержали Ал. Михайлов и остальные названные выше лица, склонившиеся к оригинальным взглядам Морозова; поэтому они захотели, чтобы Соловьеву оказано было содействие со стороны общ-ва «З. и В.».

Не так, известно, отнесся к этому Плеханов: в намерении Соловьева он увидел чрезвычайно опасный и крайне вредный акт, выходящий из пределов «самозащиты» и являющийся уже прямым, непосредственным политическим актом, — борьбой не с злоупотреблениями должностных лиц, но уже с господствовавшим в стране самодержавным строем, что совершенно противоречило народнической программе.

Известно, что Плеханову вместе с Мих. Поповым и В. Игнатовым удалось воспротивиться намерению Ал. Михайлова и его единомышленников осуществить план Соловьева, как предприятие, организованное обществом «З. и В.», но они не смогли помешать этому намерению, как частной, независимой от организации затее. Хотя, в виду последней постановки, ответственность за покушение не падала на наше общество, но от вызванных им последствий, в смысле усиления строгостей, преследований и проч., все же пришлось терпеть всем членам «Земли и Воли» да и массе совершенно посторонних лиц ¹⁾.

После покушения Соловьева оправдались предсказания Плеханова, — более того: как известно, защитники этого покушения решили предпринять организованную обществом «З. и В.» охоту на Александра II, для чего в тайном обществе, каким была «Земля и Воля», составили еще более тайный, тесно сплоченный кружок, названный ими «Победа или Смерть».

Когда после возвращения из-за границы, в конце лета 1879 г., мы, единомышленники Плеханова, услышали от Попова об этом, то нам показалось совершенно невероятным, неправдоподобным, чтобы честные революционеры, какими мы считали Ал. Михайлова и его товарищей, могли прибегнуть к таким недозволительным, нечаевским приемам по отношению к своим товарищам, сочленам

¹⁾ Подробности об этих разногласиях сообщены самим Плехановым в его заметках, озаглавленных «О былом и небылицах», появившихся в № 3 (15) «Прол. Рев.» 1923 г.

одной с ними организации. Только недавно из записок Веры Фигнер я убедился, что Попов, обвинявший террористов в маккиавеллизме, в применении принципа «цель оправдывает средства», был прав ¹⁾.

* * *

Не буду останавливаться на всем известном Воронежском съезде, на котором дебатировался вопрос о царубийстве, а также и на уходе с него Плеханова ²⁾.

Обойду молчанием и не прекращавшиеся после этого споры и несогласия между «террористами» и «деревенщиками», продолжавшими отстаивать необходимость действовать среди крестьян, стоя на прежней народнической программе. Известно также, что наши («заграничников» — т.-е. Веры Засулич, Стефановича и мои) стремления примирить «враждовавших братьев» не привели к миру, и осенью того же года решено было лучше разделиться на две совершенно самостоятельные организации, чем, оставаясь в одной, вечно ссориться и заподозривать друг друга в разных неблагоприятных поступках.

В течение всего упомянутого периода—между съездом и мирным распадением общества «Земля и Воля» на «Черный Передел» и «Народную Волю» — Плеханов, как известно, не состоял более в старой народнической организации, в которую он вошел с момента ее возникновения, но он принимал очень деятельное участие во всех дебатах и обсуждениях, происходивших у «деревенщиков» по поводу волновавших их злободневных вопросов.

Насколько могу теперь припомнить, Плеханов во время этих наших собраний не вносил ни малейшего личного элемента в отношения к своим политическим противникам, террористам. Правда, по их адресу он отпускал насмешки, остроты, сарказмы, но делал он это скорее с добродушной, тихой усмешкой, чем серьезно, со злобой. Между тем, в виду всего того, что ему пришлось пережить с весны до осени, не было бы ничего странного, если бы он сильно возмущался и негодовал против сторонников царубийства: вследствие новой их тактики не только он остался вне организации «Земли и Воли», но и самой этой организации, завоевавшей уже своей относительно долгой деятельностью большую популярность в стране, пришлось вскоре распасться.

Было, следовательно, у Плеханова достаточно оснований рвать и метать против Ал. Михайлова, Морозова и др. Но, повторяю, я не могу припомнить решительно ни единого резкого эпитета,

¹⁾ См. «Запечатленный Труд», т. I, стр. 127 — 8 и 132.

²⁾ Подробно об этом сообщает Плеханов в вышеупомянутых заметках «О былом и небылицах».

направленного им против названных лиц: все, что он высказывал по поводу них в их отсутствии, он повторял и лично им. Правда, возражения, а, главное, тон его сильно задевали, ущемляли противников, — в них всегда сквозила едкая насмешка, ирония, но не личное оскорбление, а тем менее — издевательство над собеседником. Как тогда, в начале своей политической деятельности, так и впоследствии Плеханов, известно, вовсе не прибегал к грубым выражениям, а тем более — к ругани: он умел, как никто другой, разделаться с противниками одними лишь удачными сопоставлениями, сравнениями, примерами, вызывавшими общий хохот.

Помню, как в описываемое время он донимал однажды на тесном собрании А. Михайлова, вздумавшего, для доказательства возможности путем цареубийства добиться изменения политического строя, сослаться на древнюю историю Египта. Прекрасно осведомленный о круге исторических и всяких других познаний Михайлова, Плеханов, не возражая ему по существу, стал, путем вопросов, допытываться у него подробностей сделанной им ссылки и таким приемом поставил своего собеседника в безвыходное положение: Михайлов под конец должен был признать, что ему неизвестны подробности указанного им факта, чего, конечно, и хотел Плеханов, закончивший с добродушной усмешкой: «Небось, сами теперь видите, что ваши познания в истории Египта недостаточны, чтобы путем ссылок на нее защищать целесообразность цареубийства». Произнесено это было таким тоном, который невольно вызвал у многих смех. Михайлов же, не отличавшийся ни большими познаниями в науках, ни диалектическими способностями, что не было секретом для нас, его товарищей, почувствовал себя очень задетым этой совершенно невинной, в сущности, заключительной фразой Плеханова и обидчивым тоном произнес, по обыкновению заикаясь: «Вы-вы-вы всег-да-а так: пред-ста-авите друго-го в смешно-о-о-м ввиде». На это никогда не любивший предоставлять последнее слово противнику Плеханов сказал: «А вам зачем вздумалось прибегнуть к гимназическому учебнику Иловайского», чем вновь вызвал смех. На этом, насколько припоминаю, закончился этот оригинальный диспут, после которого Михайлов сидел насупившись, а Георгий Валентинович, оставив его в покое, в том же добродушном тоне продолжал спорить с другими сторонниками цареубийства, с Желябовым, Тихомировым. И я прекрасно помню, что после этого вечера Михайлов и его единомышленники говорили: «Какой невозможный спорщик Жорж! Какой неприятный тон у него!».

Почти буквально те же отзывы о плехановской манере спорить мне, к слову, приходилось слышать и читать много-много лет спустя. Между тем в действительности ко многим своим политическим противникам Плеханов относился с полным уваже-

нием и даже с любовью; в числе этих лиц бесспорно был и Александр Михайлов, в чем легко убедиться из «Воспоминаний» о нем Плеханова, в которых он отзывается об этом своем сочлене по «Земле и Воле» даже с большой нежностью. Таково же было его отношение к Осинскому, Степняку, Софье Перовской, Вере Николаевне Фигнер и к некоторым другим. Но возвратимся к семидесятым годам.

* * *

Неделя проходила за неделей в обсуждениях по группам — отдельно «террористы» и «деревенщики», — а также и в спорах одних с другими, и не видно было конца этому, когда, наконец, Желябов, А. Михайлов, Квятковский, Зунделевич и Тихомиров внесли предложение разделиться ¹⁾, так как эти непрерывные дебаты лишь тормозят работу сторонников обоих направлений. Наша группа, или фракция, охотно приняла это предложение, также признав, что полюбовный раздел лучше доброй ссоры. После этого, известно, «Земля и Воля» и разделилась на «Черный Передел» и «Народную Волю», названные так по издаваемым ими подпольным органам.

На одном из первых собраний нашей организации, в которую, кроме «деревенщиков» из «З. и В.», вошло также несколько новых лиц, я и Стефанович внесли предложение, чтобы впредь, как в частных наших встречах с «народовольцами», так, в особенности, на закрытых собраниях - сходках, в присутствии посторонних лиц, ни тем более в печати «чернопередельцы» не проявляли ни малейшей враждебности или резкости по отношению к членам террористической фракции, принявшим название «народовольцев». Мы настаивали на том, чтобы члены нашей организации во всех только что перечисленных случаях, нисколько не скрывая наших принципиальных разногласий, не выходили из миролюбивого тона и обнаруживали всегда товарищеское отношение к членам «Нар. Воли». По поводу этого нашего предложения, помню, не было никаких решительно возражений, наоборот, большинство присутствовавших очень одобрительно отнеслось к нему. Как высказался Плеханов и говорил ли он по этому поводу, не помню, — он, кажется, молчал.

Это миролюбие немедленно проявилось при произошедшем акте раздела всего, чем обладало общество «Земля и Воля», — типографиями, финансами, паспортным бюро и проч.: во время

¹⁾ Н. Морозов в своих «Повестях» приписывает себе инициативу, но это не верно, как и многое другое в этих беллетристических его писаниях, что, надеюсь, смогу показать это в моих записках «За полвека».

этой ликвидации мы сделали даже чересчур большие уступки народовольцам ¹⁾.

То же миролюбивое наше настроение сказалось при назначении от нас делегата на юг для ознакомления молодежи и рабочих с произошедшим распадением общества «Земля и Воля». В виду того, что во время этих объездов были неизбежны непосредственные встречи на сходках с народовольцами, большинство наших членов решило предоставить эту функцию не Плеханову, хотя было очевидно, что он желал поехать на юг, а мне, потому что товарищи опасались, как бы Жорж не обострил отношений с народовольцами.

Этим же взглядом руководствовалось преобладающее большинство и при обсуждении предстоявшего печатного объяснения произошедшего раскола в «З. и В.», а также нашего отношения к задачам вновь возникшей террористической организации: на одном из ближайших редакционных собраний предложено было, не помню кем, поручить Аптекману, а не Плеханову, написать большую статью в виде дружеского письма к товарищам, что, как известно, он и сделал. При этом мы также руководствовались все тем же стремлением не разжигать страстей, не обострять разногласий.

Плеханову, вероятно, более пришлось бы по вкусу, если бы, наоборот, мы выбрали боевую, воинственную тактику: тогда можно было бы устраивать бурные сходки и писать горячие, страстные статьи в опровержение ошибочных взглядов наших противников и пр. Но, насколько могу теперь припомнить, он беспрекословно подчинялся общему настроению и принятым решениям. Напомню, что Плеханов в течение всей своей сознательной жизни мог бы служить образчиком дисциплины, готовности подчиняться приговору большинства товарищей. В виде иллюстрации сошлюсь на его письмо (№ 12) к Лаврову, в котором он писал (весной 1882 г.): «Вы, Евгений ²⁾, Вера и друг. должны произнести окончательный приговор по этому делу. Я подчиняюсь ему во всяком случае» ³⁾. И он, действительно, подчинился нашему решению.

* * *

После распадения «З. и В.» отношения Плеханова к бывшим членам этого общества не только не обострились, но, наоборот, в значительной степени смягчились, что было вполне естественно. Эта перемена в его настроении отчасти сказалась в уже приведенном мною сообщении о его беседе с Халтуриным, вскоре после

¹⁾ Подробнее об этом я сообщу в готовящихся записках моих «За полвека», в т. III или IV.

²⁾ Моя революционная кличка.

³⁾ См. мою брошюру: «Г. В. Плеханов», стр. 93, изд. «Новая Москва» 1922 г.

произошедшего распада «З. и В.»¹⁾: убедившись, что Степан бесповоротно решил поступить в Зимний дворец, Плеханов сам свел его с народовольцами, — насколько помню, с «Дворником» (Ал. Михайловым), что едва ли он сделал бы до распада.

Тот же примирительный, вполне товарищеский тон по отношению к народовольцам взят был самим Плехановым во всех трех написанных им для № 1 «Черного Передела» статья: в них не только нет полемики с вновь появившейся террористической организацией, но автор ни разу даже не упоминает «народовольцев», хотя в вышедших к тому времени двух номерах «Народной Воли» было не мало к тому поводов. Так помню, Плеханова, да и многих других чернопредельцев, чрезвычайно возмутили имевшиеся в № 1-м «Народной Воли» фразы, что «действовать в настоящее время в народе это то же самое, что биться, как рыба об лед», или «наполнять бочки Данаид», что это — «Сизифова работа», — цитирую наизусть, но ручаюсь за верность. Таковую характеристику деятельности среди народа, которая нам, чернопредельцам, представлялась единственно целесообразной и плодотворной, мы находили не только крайне вредной, в виду и без того в сильной степени ослабевшего у революционеров в последние полтора-два года стремления к ней, но и чуть ли не нанесением нам, народниками, прямо личных оскорблений: «ведь, если деятельность в народе то же, что переливание из пустого в порожнее, значит, мы, зовущие к ней, являемся бездельниками или ничего не понимающими болтунами», — говорили некоторые из чернопредельцев с возмущением и готовы были «ринуться в бой». Не сдерживай мы Плеханова, он, конечно, сумел бы ответить автору передовиц «Нар. Воли» (Л. Тихомирову) по его заслугам. И, несмотря на то, что в приведенных выше оскорбительных отзывах о нашей деятельности «Нар. Воли» все мы увидели брошенный нам прямой вызов, все же мы не подняли перчатки, не вступили в полемику. Даже самые ярые народовольцы, помню, с большой похвалой отзывались о занятой нами мирной позиции, о нашем товарищеском отношении к ним.

Многие из нас, чернопредельцев, в особенности на юге, — в Киеве, Харькове, Одессе, — не только нигде не выступали в качестве противников или конкурентов, но всюду действовали заодно с народовольцами, помогая и поддерживая их, насколько, конечно, это не противоречило нашим убеждениям²⁾. Между тем, подобные указанным выше печатные отзывы народовольцев о нашей деятельности, как я уже упомянул, крайне вредным образом действовали на юных революционеров, и без того увлекавшихся

¹⁾ См. мою брошюру: «Г. В. Плеханов», стр. 49, изд. «Новая Москва», 1922 г.

²⁾ Подробно об этом сообщу в «За полвека».

террором и сомневавшихся относительно целесообразности деятельности среди народа.

Также и устно, на сходках, устраивавшихся в некоторых городах революционной молодежью для дискуссий между последователями двух вновь возникших обществ, никто из «чернопередельцев» не проявлял ни тени вражды или недоброжелательства к народолюбцам. Таким образом, линия поведения, взятая, главным образом, нами, чернопередельцами, по отношению к нашим политическим противникам, самым резким образом отличалась от той враждебной, а то и просто неприличной среди социалистов полемики, переходившей нередко в грубую ругань, к которой прибегали разные фракции до и после существования «Черного Передела» и «Народной Воли».

Не буду более останавливаться на причинах, вызвавших это исключительное в нашем революционном движении мирное сожительство двух резко расходившихся направлений. Скажу лишь, что не малую роль сыграли в этом такие лица, как Стефанович, Аптекман, Фроленко, Софья Перовская, Вера Фигнер и друг., не перестававшие, несмотря на произошедший раскол, признавать членов другой организации близкими, хорошими товарищами, очутившимися, по тем или другим случайным обстоятельствам, в другом лагере. Эти миролюбивые лица рассчитывали, что современем условия переменятся, и обе фракции вновь сольются в единую организацию. Конечно, далеко не все члены обоих обществ питали эту надежду, и, как известно, впоследствии она оправдалась лишь в очень незначительной степени, т. к. из бывших членов «З. и В.» и «Черн. Пер.» только один единственный Стефанович примкнул к «Нар. Воле» (осенью 1881 г.).

У Плеханова, за вычетом произошедшей у него с Михайловым дискуссии еще до распада «З. и В.», не было, помнится мне, больше ни единого состязания с кем-либо из народолюбцев, что объяснялось как принятым нами решением, так, в особенности, и обилием у него занятий, лишивших его возможности встречаться с ними. Кроме того, мы все, и Плеханов в том числе, рассчитывали побить наших противников не словами, не полемикой, а делами, фактами, успехом в наших предприятиях, как среди крестьян, так и рабочих.

Но известно, что эти надежды совершенно не оправдались, — мы вскоре вынуждены были признаться, что наступившая полоса неблагоприятна для наших задач, и нас четырех — Плеханова, Засулич, Стефановича и меня — товарищи заставили уехать на время за границу ¹⁾.

¹⁾ Совершенно неверно поэтому заявление Маркса, сделанное им в одном из писем к Зорге, будто «большинство» из нас «покинуло Россию добровольно». Об этом, как и о других несправедливых его о нас отзывах, я подробнее говорю в другом месте.

Очувшись зимой 1880 г. в Женеве, Плеханов, насколько могу припомнить, только на одном собрании русских эмигрантов впервые вступил в спор со Степняком.

Затем, в течение целого года он лишь изредка, и то главным образом в частных беседах, высказывал свой отрицательный взгляд на деятельность партии «Нар. Воля»: он утверждал, что если они и убьют царя, — что, как известно им, несмотря на несколько произведенных ими грандиозных покушений, все не удавалось, — то от этого не только не произойдет никакого радикального изменения к лучшему, а скорее, наоборот, усилится реакция: в этом, как и во многих других случаях, Плеханов оказался недурным пророком.

Враждебных чувств к бывшим своим товарищам Плеханов, живя за границей и все более проникаясь учением Маркса и Энгельса, не только не питал, а, наоборот, года полтора спустя после приезда, настолько уже примирился с их деятельностью, что стал находить в ней некоторые положительные стороны: главным образом, он ценил их стремление добиться политических свобод. Поэтому весной 1882 г. Плеханов, как известно, согласился даже принять участие в редактировании затеянного террористами за границей журнала «Вестник Народной Воли».

Тогда же он отнесся к приехавшим в Швейцарию последним мюгликанам еще недавно казавшегося неуловимым «Исполнительного Комитета» — к М. Н. Ошаниной, Е. Д. Сергеевой и Л. Тихомирову — самым дружеским образом, словно между ним и ими никогда не существовало никаких разногласий и натянутых отношений.

Все старое, все испытанные Плехановым от террористов огорчения во время, предшествовавшее распадению общества «З. и В.», были им совершенно забыты. В очувшись за границей остатках «Народной Воли» он вновь увидел добрых старых товарищей, с которыми опять готов был вместе работать на пользу трудящихся масс, при том, понятно, условии, что они в своих же интересах признают марксизм более правильной и верной основой их стремлений, чем какой являлась смесь из народничества, ткачества и нечаевщины, которая составляла народовольческую «теорию» и тактику.

В свою очередь, самые выдающиеся из уцелевших и приехавших за границу членов «Исполнительного Комитета» — Ошанина и Тихомиров — также признали Плеханова наиболее ценным и близким себе человеком, которого они начали «обхаживать», желая привлечь его на свою сторону; для этого они готовы были пойти на большие теоретические уступки. Так, Тихомиров прямо заявил Плеханову, что он может, в качестве соредатора основанного им журнала «Вестник Народной Воли», проводить марксизм,

чтобы постепенно, незаметно заменить им народовольческие взгляды. Для подтверждения верности этого моего заявления приведу следующие выдержки из писем Тихомирова к Лаврову. В письме от 4 авг. 1883 г. Тихомиров писал: «Распространяться о том, как я старался привлечь Жоржа и как ценю его . . . считаю излишним: вы это должны были видеть очень хорошо; точно так же вы можете быть уверены, что, насколько зависит от меня, я постараюсь сохранить нам даже крохи его сотрудничества . . . Ведь вопрос о политике в социализме можно бы тоже разбирать чисто теоретически, не крича о перемене программы. А ведь я просил ¹⁾ не говорить именно о перемене, а просто развивать свою» ²⁾).

Известно, что наша группа бывших «старых чернопередельцев», ставшая затем группой «Освобождения Труда», в течение двух с чем-то лет вела переговоры с «Исполнительным Комитетом» о слиянии с «Народной Волей». Как видно будет из подготовляемого мною к печати 2-го выпуска моей книги о Г. В. Плеханове, наше намерение не осуществилось не столько вследствие принципиальных разногласий с народовольцами, — они, повторяю, готовы были пойти на большие уступки, — сколько вследствие практических, тактических соображений. Только убедившись в полной невозможности поладить с ними в этой сфере, мы решили прекратить переговоры о слиянии и выступить самостоятельной группой. Должен признаться, что не столько Плеханов, сколько я настаивал на последнем, о чем подробно сообщу во 2-м выпуске. Пока же замечу, что Тихомиров, касаясь моей роли в расхождении Плеханова с ним, был недалек от истины, когда считал *меня* главной помехой. В цитированном мною выше письме он, между прочим, заявил: «Я не думаю, чтобы какие бы ни было уступки могли помочь. Есть одно (если только теперь не поздно) — принятие Евгения в организацию» ³⁾).

Затем, в письме от 6 авг. Тихомиров же писал: «Но раз люди хотят разорвать, то как вы надеетесь их от этого удержать? И заметьте, что они, как мне словесно заявлено Жоржем и письменно Дейчем, выступают в качестве отдельной группы. При настроении их, при заявлении себя группой, при уверенности в нашем к ним недоверии (все равно, справедлива ли уверенность), они не могут быть так глупы, чтобы поддерживать наш журнал. Для этого нужно быть или дураком, или человеком, ставящим дело выше своих групповых расчетов. Они же ни то ни другое. Они, а особенно Евгений, в мелочах довольно тонкие люди».

¹⁾ (Плеханова). Л. Д.

²⁾ (т.-е. нашу, марксистскую). Л. Д.

³⁾ Тихомиров сильно ошибался, допуская мысль, что «принятие в организацию» меня могло бы что-либо изменить.

Можно бы привести еще несколько выдержек, доказывающих, что Тихомиров — а, следовательно, и все остальные тогдашние народовольцы — во мне видели «корень всего зла», и это, повторяю, до известной степени было верно, что видно будет из следующего моего выпуска о Плеханове.

* * *

На этом считаю возможным закончить мое краткое сообщение об отношении Плеханова к народовольцам, так как, после возникновения ¹⁾ группы «Освобождения Труда» об этом появился ряд печатных произведений Плеханова: «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «Новый защитник самодержавия» и друг. О том же, что не попало в печать, я, насколько смогу, подробно сообщу в следующем очерке о Плеханове.

Лев Дейч.

¹⁾ Это произошло 25 сент. 1883 г., а не 1884 г., как сообщает А. Мартынов (см. его статью в «Коммунистическом Интернац.» № 24, стр. 6550).